

ББК
63
4381

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

Югра в составе
Московского государства

Том 3

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 3
Югра в составе
Московского государства

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2024

Авторы

Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, И. Л. Манькова, Н. И. Никитин,
О. В. Семенов, В. Д. Пузанов, Я. Г. Солодкин, В. В. Трепавлов

Редакционный совет издания

Сопредседатели: Почётный житель Ханты-Мансийского автономного округа — Югры,
с 2010 по 2024 годы — Губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Н. В. Комарова,
директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, С. М. Косенок (заместитель сопредседателей),
А. В. Шипилов (заместитель сопредседателей), А. А. Пономаренко (секретарь)

Члены совета: И. Вашари, Г. П. Визгалов, М. К. Волдина, А. В. Головнёв, Е. И. Гололобов,
В. А. Гусев, С. В. Журавлёв, Н. Л. Запандова, В. Н. Захаров, А. В. Кениг, М. Ф. Кириленко,
В. С. Кольцов, Е. В. Шумакова, Р. В. Кучин, В. А. Манин, Р. Г. Пихоя, И. В. Побережников,
И. С. Саркисян, В. И. Сподина, П. С. Фокин, Н. М. Чаиркина, Я. С. Черняк, Г. И. Шмаль

Главная редакционная коллегия

Р. Г. Пихоя (главный редактор издания, председатель), С. В. Журавлёв (заместитель председателя),
А. И. Прищепа (заместитель председателя), В. А. Манин (ответственный секретарь)

Члены коллегии: Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, А. В. Головнёв, М. Ф. Ершов, В. Н. Захаров, Е. Ю. Зубкова, А. В. Кениг,
С. В. Кодан, В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. К. Нехайчик, Е. А. Пивнева, И. В. Побережников, Д. А. Редин,
И. С. Саркисян, Д. Свак, К. А. Соловьёв, Я. Г. Солодкин, В. И. Сподина, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов, Н. М. Чаиркина

Редакционная коллегия тома

В. В. Трепавлов (ответственный редактор), Е. М. Главацкая (ответственный секретарь),
Г. П. Визгалов, И. Л. Манькова, Н. И. Никитин, О. В. Семенов, Я. Г. Солодкин (редактор)

Рецензенты

д. и. н. А. А. Борисов, д. и. н. Д. В. Лисейцев

А38

Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск :
АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. — Том 3. Югра в составе Московского государства /
отв. ред. В. В. Трепавлов. — 416 с. : ил. — 4000 экз. — ISBN 978-5-4422-0084-3.

ISBN 978-5-4422-0084-3 (т. 3)
ISBN 978-5-4422-0090-5

Третий том «Истории Югры» посвящён начальному этапу присоединения и стремительному освоению огромной территории за Уралом, включая и ту, что находится в современных границах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. На материалах законодательных, делопроизводственных и летописных источников, а также данных, полученных в ходе проведения археологических работ, в томе последовательно освещаются ключевые события истории Югры, начиная с Сибирской экспедиции Ермака и до начала Петровских реформ. Коллективом авторов реконструируются история присоединения Сибири и этапы развития институтов государственной власти в Югорском крае; исследуются противоречия в отношениях пришлого русского и коренного населения; функционирование системы связи и транспортных коммуникаций; изменения в религиозном ландшафте: начальный период распространения православия. Особое внимание уделяется воссозданию деталей повседневной жизни людей, сделавших Югру в XVII в. частью Российского государства.

УДК 94(571.122)«15/16»
ББК 63.3(2Рос-6Хан)4

553261

Выполнено по заказу Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ISBN 978-5-4422-0084-3 (т. 3)
ISBN 978-5-4422-0090-5

© Коллектив авторов, 2024
© АНО «Центр «Моя история», 2024
© Подготовка к изданию и оформление —
АО «Издательский дом «Новости Югры», 2024

Оглавление

Введение

Основные проблемы изучения истории Югры конца XVI–XVII вв. (В. В. Трепавлов, Я. Г. Солодкин).....	7
--	---

ЧАСТЬ 1. ВХОЖДЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1. «Ермаковы казаки» на Югорской земле (Н. И. Никитин).....	22
Глава 2. Колонизация края служилыми людьми и начало становления административной системы (Я. Г. Солодкин).....	34
Глава 3. Северо-Западная Сибирь в Смутное время (Я. Г. Солодкин).....	60

ЧАСТЬ 2. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ С НАЧАЛА XVII В. ДО ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Глава 1. Административная структура Югорского края (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов).....	80
Глава 2. Коренное население Югорской земли: состав, численность, расселение (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов).....	113
Глава 3. Протестные движения коренного населения (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов).....	142
Глава 4. Служилые люди и их роль в освоении Югорского края (Н. И. Никитин, В. Д. Пузанов).....	180
Глава 5. Система правительственной связи: самаровские и демьянские ямщики (О. В. Семенов).....	214
Глава 6. Государственные повинности коренного населения. Ясачный режим (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов).....	259

Глава 7. Религиозный ландшафт Югры: начало распространения православия (Е. М. Главацкая, И. Л. Манькова).....	281
Глава 8. Хозяйство и материальная культура русского населения Югры (Г. П. Визгалов).....	331
Заключение (В. В. Трепавлов, Я. Г. Солодкин).....	356
Источники и литература.....	367
Указатель географических названий.....	395
Именной указатель.....	402
Сокращения.....	414

Введение

Основные проблемы изучения истории Югры конца XVI–XVII вв.

С середины XVI в. Русское государство начинает стремительное — по историческим меркам — территориальное расширение в восточном направлении. Границы России продвигались за Волгу, за Урал, через великие азиатские потоки — Обь, Енисей и Лену, и во второй половине XVII в. достигли Тихого океана. Под властью московских монархов оказались владения, размеры которых многократно превосходили прежнюю Русь на Восточно-Европейской равнине. Основное пространственное приращение Московскому государству в то время дала Сибирь.

В историографии велась и по сей день ведётся длительная дискуссия вокруг характера присоединения к Русскому государству Сибири, в том числе Югры¹. Наиболее продолжительной по времени трактовкой было завоевание. Это началось с сибирских летописцев XVII в. Они рассматривали «Сибирское взятие» с точки зрения провиденциализма — проявления Божественной воли. Такую трактовку подхватили и развивали историки XVIII — первой половины XIX вв. Впрочем, самый заметный из них — Г. Ф. Миллер, хотя и оперировал понятиями завоевание и покорение Сибири, признавал, что оно сочетало насильственные и мирные формы, когда местные народы подчинялись русским без сопротивления. Как писал современник Миллера, историк И. Н. Болтин, «...многочисленные дикие племена... почти безоружные, более на зверя, чем на человека похожие пигмеи спасали жизнь свою или бегством, или покорностью»². Аналогичный подход виден у других историков той эпохи, которые расходились во мнениях по поводу того, кому приписать главную заслугу покорения — государству или вольным ватагам казаков и землепроходцев.

Решающим основанием для концепции завоевания был, конечно, начальный этап продвижения России за Урал — военный разгром Сибирского ханства. При этом в стране господствовала идея цивилизаторской миссии русских, которые несли язычникам православную веру и возможность жить в пределах обустроенного «регулярного государства». Это можно увидеть у Н. М. Карамзина, П. И. Небольсина, а также у П. А. Словцова, который после Миллера впервые написал связную историю Сибири.

¹ Из недавних работ с подробным обзором мнений по этому вопросу см.: Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

² Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 2. С. 145.

С середины XIX в. стала набирать силу теория славянской колонизации Сибири. Наиболее авторитетным на сей счёт было мнение С. М. Соловьёва. В его многотомной «Истории России» сибирские события были, конечно, не главными, но именно Соловьёв стал расценивать присоединение Сибири как часть общего процесса расселения русских и хозяйственного освоения ими новых территорий. Впоследствии концепцию России как «страны, которая колонизируется» развил В. О. Ключевский.

В тот период в отечественной историографии стала постепенно угасать идея насильственного покорения, хотя многие авторы продолжали уподоблять Ермака и вообще казаков и служилых людей испанским конкистадорам, как некогда предлагал Карамзин. Герцен даже придумал понятие бескровного завоевания Сибири, то есть определение завоевание всё-таки сохранялось, но историки (Н. Я. Данилевский, Н. И. Костомаров, Н. Н. Фирсов и др.) уже описывали налаживание взаимодействия русских с местными народами как постепенный и по большей части бесконфликтный процесс. Эксцессы же объясняли жестокостью, мздоимством, притеснениями со стороны местных русских властей.

Взгляд на присоединение Сибири как на преимущественно мирный процесс наиболее отчётливо проявился в сочинениях П. Н. Буцинского и в известной степени А. В. Андрианова, М. К. Любавского и А. Е. Преснякова.

Советский период характерен господством в историографии официальных точек зрения, которые на протяжении 70 лет неоднократно менялись. Ранняя советская историография (до 1940-х гг.) с её неперменными оценками царской России как «тюрьмы народов», цитадели реакционного самодержавия, однозначно трактовала продвижение в Сибирь как колониальные захваты. К концу 1920-х гг. утвердилось объяснение вхождения национальных регионов в состав России как «абсолютного зла» для местных народов. «Военная оккупация русскими завоевателями» вызывалась, дескать, интересами первоначального накопления капитала — в русле распространённой в те годы теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского. Подобные оценки можно встретить в ранних текстах С. Б. Окуня, С. А. Токарева, М. О. Косвена и др.

При этом представители старой профессуры (М. К. Любавский, С. В. Бахрушин, С. Ф. Платонов) продолжали придерживаться или хотя бы предлагали учитывать прежний взгляд на присоединение Сибири как на колонизационный процесс, который сочетал насилие и мирное взаимодействие.

В середине 1930-х гг. после реабилитации историков, осуждённых по «Академическому делу», возвращения в науку тех, кто выжил, и возобновления преподавания так называемой гражданской истории акценты поменялись. Так, появилась формулировка о присоединении новых территорий к России как о «наименьшем зле» в сравнении с тем, что осуществлялось колониальными державами в отношении завоёванных территорий и порабощённых народов. Хотя концепция «абсолютного зла» из науки ушла, завоевательные устремления царизма, в том числе в Сибири, не отрицались. Они продолжали обличаться в 1940-х гг. в работах А. П. Окладникова, С. В. Бахрушина, С. А. Токарева и др.

После Великой Отечественной войны состоялся радикальный идеологический поворот. Пропаганда советского надэтнического патриотизма и неоимперского строительства сопровождалась насаждением доказательств однозначной прогрессивности присоединения народов к России, соответственно, сопротивление коренных народов стало расцениваться

как реакционные движения. Местные партийные и советские власти уловили новые веяния, и по национальным регионам в 1950-х гг. прокатилась волна юбилеев «Добровольных вхождений в состав России», в частности Горного Алтая, Хакасии и Якутии. Так, на четверть десятилетия в советской науке воцарилось «добровольное вхождение» (иногда писали о «мирном присоединении»). Хотя некоторые авторы ещё продолжали по инерции писать о завоевании Сибири, к 1970-м гг. сложилась терминологическая определённости. Фактически глава советских сибиреведов В. И. Шунков предложил считать наиболее адекватным понятие присоединение, которое охватывает и добровольное вхождение, и факты прямого завоевания³. Но в действительности на первый план стали выдвигаться именно мирные формы. Выступления же «иноземцев», «иноверцев», «инородцев» трактовались, во-первых, как проявления обязательной для царской России классовой борьбы; во-вторых, как направленные исключительно против гнёта казённого начальства, но ни в коем случае не против рядового русского населения; в-третьих, как спровоцированные якобы реакционной патриархальной знатю из числа представителей местного населения аборигенов.

Так категория завоевание полностью исчезла из научного дискурса, и, можно сказать, произошёл возврат к давней колонизационной теории. Неслучайно всё чаще стали писать даже не о присоединении, а об освоении Сибири русским пришлым населением. Ясно, что в условиях фактически директивной установки на «добровольность» из исторических трудов стали исчезать свидетельства противоположного свойства, которые не соответствовали ей. При этом на первый план вышли успехи хозяйственного освоения русскими сибирских угодий, и проблема собственно присоединения ушла на задний план. Одновременно появилась и в 1980-х гг. набрала силу ещё более нейтральная и, можно сказать, общеприимная формулировка вхождения Сибири в состав Российского государства.

В постсоветский период наблюдается разнообразие мнений⁴. Встречаются сторонники интерпретации присоединения Сибири как результата преимущественно насильственных, военных кампаний, то есть завоевания, так и преобладания ненасильственных методов. Возродились, главным образом в национальных республиках, дефиниции экспансия и колониальная политика. Большинство историков, признавая сейчас противоречивый характер присоединения Сибири, условно разделяются на приверженцев нескольких концепций:

- 1) преимущественно мирное вхождение Сибири и ее отдельных регионов в состав России;
- 2) ставшее уже традиционным присоединение Сибири как мирным, так и военным путем (иногда заменяется вхождением и колонизацией);
- 3) возродившееся завоевание.

Сейчас в сибирской региональной историографии всё громче раздаются голоса, утверждающие, что Россия поработила Сибирь, что подчинение местного населения имело характер агрессии, завоевания, даже реанимировали характеристику Ермака как «русского Кортеса». Подобный разноречивый свидетельствует о полнокровной жизни российской исторической науки, пока свободной от жёстких идеологических установок, и зависит, прежде всего, от персональных взглядов конкретных исследователей, их историософских представлений,

³ Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 231.

⁴ Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 96–104.

трактовки ими источников, различного понимания исторического развития народов Евразии. Всё же представляется, что понятие присоединение наиболее общо и объективно отражает сложный процесс трёхвекового территориального расширения России на карте Евразии. Этот нейтральный термин подразумевает (если вновь вспомнить В. И. Шункова) как насильственные методы, так и мирные процессы. Тем более что и во время прихода Ермака, и после него не было в Сибири ни геноцида, ни массового насильственного крещения, как в заокеанских владениях Испании.

Каждый регион, вошедший в состав России, проходил через несколько этапов адаптации:

- 1) собственно присоединение, то есть установление российского подданства;
- 2) постепенная инкорпорация в структуру государства;
- 3) ассимиляция, которая со временем всё более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации.

Теперь посмотрим всё-таки не на Сибирь в целом, а на Югру. Критерии присоединения — вопрос, который, на первый взгляд, не возникает: вот пришёл Ермак, обложил ясаком местное население... И всё-таки: с какого времени Югру можно считать частью Московского государства?

В историографии есть попытки определить объективные параметры принадлежности региона государству. Для периода XVI–XVIII вв. изучение подданства осложняется размытостью критериев этого института. Одни владения входили в состав государства реально, другие — номинально. Причём степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на так называемых национальных окраинах.

В контексте изучаемой эпохи маркерами подданства, как правило, являются:

- 1) территориальная включённость региона в высшую государственную символику — большой царский титул или большой государственный герб;
- 2) налогообложение в пользу единого государства;
- 3) распространение на регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям;
- 4) принадлежность региона к одному из административных подразделений государства.

С XVIII в. можно также учитывать закрепление новых территорий за Россией в результате международных договоров.

Очевидно, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она обзаведётся хотя бы тремя из перечисленных четырёх критериев. Иногда в этот перечень предлагается включать также официальное объявление о переходе в подданство — в случае Сибири это государево жалованное слово и шерть (присяга). Однако известно, что такого рода присяги принимались и нарушались столь часто, что едва ли могут служить надёжной точкой отсчёта пребывания в подданстве. Здесь наглядно проявлялось противоречие между взглядами на принимаемые обязательства, с одной стороны, русских политиков и управленцев и, с другой стороны, — шертующих «иноверцев». Попытаемся применить перечисленные выше четыре признака к Югре.

Югра, безусловно, была включена в высшую государственную символику. Формула «Югорский» появилась в титуле Ивана III после присоединения Великого Новгорода как часть бывших новгородских владений. Значимым основанием для включения Югры в московский титул послужили поход воеводы Ивана Салтыка-Травина в вогульские земли в 1483 г. и его переговоры с югорскими князьями, которые обязались платить Москве дань. Сейчас считается, что формула «Югорский» впервые фиксируется в объектной части титула Ивана III в его грамоте в Кафу таманскому князю Заккарии Гизольфи в 1484 г.

После похода русских воевод в 1499 г. на Северный Урал и нижнюю Обь в титуле появились также обозначения земель, примыкавших к Югре: «Обдорский» и «Кондинский». В духовной грамоте Ивана III от 1504 г. Югра перечислялась среди областей, предназначенных в наследство старшему княжичу и отцовскому соправителю Василию.

В государственной геральдике Югра удостоилась особого отображения. В конце 1570-х гг. на Большой печати Ивана Грозного среди эмблем прочих земель и царств появляется пушная зверушка, более всего похожая на белку, обрамлённая надписью «Печать Югорская». В следующем столетии её сменил отвлечённый символ: две руки, выходящие из облаков, напротив друг друга сжимают перекрещённые копыта; над ними надпись «Югорский», то есть критерий присутствия Югры в государственной символике отмечается с конца XV в.

Остальные критерии — налогообложение, общероссийское законодательство, подведомственность правительственным органам и включённость в административные подразделения государства — определяются основанием Берёзова и Сургута в 1593–1594 гг. Русское население этих городов и новообразованных одноимённых уездов выполняло обязанности российских подданных по уплате податей и несению повинностей, подчинялось столичным ведомствам: сначала Посольскому приказу и Казанскому дворцу, затем Сибирскому приказу.

Если говорить об аборигенном населении, то первоначальное сохранение местных патриархальных элит, родовых владений и угодий, нерегулярные ясачные выплаты не позволяют

Рис. 1. Великий князь Иоанн Васильевич.
РНБ. Ф. 885. Эрм. 440. Л. 33

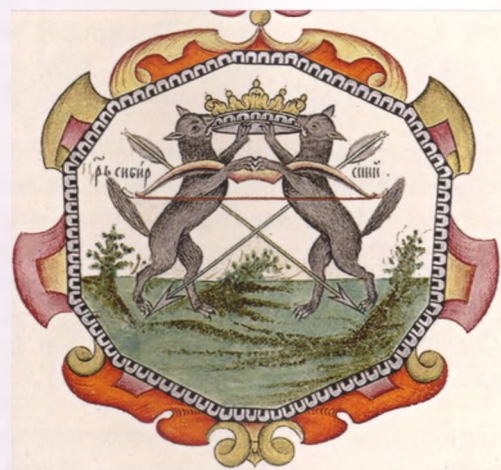

Рис. 2. Герб-эмблема Сибирских земель.
РНБ. Ф. 885. Эрм. 440. Л. 50

столь же чётко установить его статус по отношению к центральной власти. Например, если взять критерий налогообложения. Уплата налогов в государственную казну, на первый взгляд, служила материальным подтверждением и самым наглядным показателем подданства. Коренные народы Сибири облагались податью под названием ясак. Порой ясак облакался в архаичные формы дарообмена. В разных местностях и в разное время он видоизменялся, да и понимался неодинаково. Если русские власти однозначно видели в нём обязанность подданных по отношению к государю, то плательщики ясака трактовали его или как способ меновой торговли, особенно в тех местностях, где до прихода русских не существовало налогообложения, или как дань побеждённых победителю. Так что применять критерии подданства к коренному населению Югры XVII в. сложно. Тем не менее анализ жизнеустройства русских поселенцев в Югорском крае приводит к заключению, что с 1590-х гг. его можно считать полноправной составной частью государства, на которую распространилась власть московского государя.

Однако важно учитывать, что это время прочного и окончательного вхождения Северо-Западной Сибири в состав Московского государства. Если же ставить вопрос о начале этого процесса, то в сибиреведческой литературе бытуют три мнения. Отсчёт предлагается вести от:

- 1) югорских походов конца XV в. и появления Югры в титуле и в завещании Ивана III;
- 2) прихода на Иртыш Ермака в 1582 г.;
- 3) основания в 1585 г. первого русского стационарного поселения в этих краях — Мансуровского городка на Оби.

Все эти даты могут быть обоснованы, но в целом приоритет в историографии остаётся за Ермаком. Его так называемое Сибирское взятие послужило началом новой эпохи в истории всей Сибири, в том числе Югры. При составлении плана серии «Академическая история Югры» именно это событие легло в основу хронологического разграничения II и III томов.

В первые два десятилетия после похода Ермака в Северо-Западную Сибирь было основано полтора десятка опорных пунктов. К военным, политико-дипломатическим и фискальным функциям поселенцев (присоединение и оборона новых «землиц», сбор ясака) добавились экономические. В местах, где земледелие было невозможно, новые городки жили рыбным и пушным промыслом, оттого югорские уезды обрели наименование «непашенных». Однако в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы. Поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны с 1620-х гг. началось постепенное «сползание» населения к югу, на более плодородные земли по рекам Тобол, Исеть, Миасс, Вагай и Ишим⁵.

Ожесточённые конфликты с татарскими царевичами, набеги ногаев, башкир и калмыков приостановили этот дрейф в степь. Русло освоения направилось на восток, где местные племена были более слабыми и разрозненными. Правда, в середине XVII в. в верховьях Енисея вновь возник сильный противник — монгольские Алтын-ханы. Поэтому до начала следующего столетия воеводы в основном направляли подчинённых казаков и служилых людей для объясачивания очередных «иноземцев» на восток и на север.

С 1580-х гг. — со времени экспедиции Ермака или, согласно другому мнению, вскоре после неё — Северо-Западная Сибирь стала дальней окраиной Московского государства, но сравнительно быстро превратилась в его внутренний регион.

⁵ Русские. М., 1999. С. 29.

В истории освоения Югорской земли конца XVI–XVII вв. можно выделить два этапа: пора недолгого существования Обского (Мансуровского) городка, то есть острога, первые годы существования Берёзова и Сургута со сложившимися вокруг этих городов уездами; и последующие десятилетия, когда Северное Приобье уже являлось органической частью России.

Географические контуры Югры периода конца XVI–XVII в. определяются в основном границами Берёзовского и Сургутского уездов. Эти границы, сформировавшись в конце XVI в., вскоре несколько изменились, поскольку ряд ясачных волостей был передан в ведение воеводам Берёзова и Сургута, или же, напротив, изъят из сферы компетенции администраторов первых городов Нижнего и Среднего Приобья, по причине чего оказался в составе образованных позднее соседних Томского, Кетского и Нарымского уездов. В силу географической близости и этнической принадлежности коренного населения (остяки-ханты, вогулы-манси и самоеды-ненцы) к названным трём уездам примыкал Пелымский уезд, который граничил с ними на юге, а также западная часть Мангазейского уезда. То было время административного оформления единой территории Югры.

Разнообразные аспекты истории русского населения севера Западной Сибири в конце XVI–XVII столетий уже давно привлекают внимание исследователей. Г. Ф. Миллер, следуя главным образом Ремезовской летописи, указал на противостояние остяков и вогулов Ермаку в битве у Чувашева мыса, раскрыл перипетии казачьего похода в Югру (до Самарова городка и Белогорья) и существования Мансуровского городка. «Отец сибирской истории» установил время основания Берёзова и определил, что Сургут мог быть «поставлен» в 1593 г. или следующем году, выяснил, в сооружении каких городов и острогов принимали участие берёзовцы и сургутяне, остановился на взаимоотношениях русского и коренного населения Обь-Иртышья.

Первые десятилетия существования Берёзова и Сургута почти через полтора века после Миллера были разносторонне представлены в исследованиях П. Н. Буцинского. Он обнаружил в архиве наказ о возведении Сургута и уточнил время его строительства, обратился к истории населения Берёзова, Сургута и их уездов, показал роль местных служилых людей в колонизации соседних территорий Сибири.

Пребывание в Югре «Ермаковых казаков», возникновение Мансуровского городка, первые десятилетия существования Самаровского яма послужили, в частности, темами изысканий Х. М. Лопарева. Вопросы об основании Берёзова и Сургута рассматривались видным историком и архивистом рубежа XIX–XX вв. Н. Н. Оглоблиным. Крупнейшего историка-сибироведа первой половины XX в. С. В. Бахрушина интересовали судьбы остяцких и вогульских княжеств XVI–XVII столетий, размеры, формы и значение ясака в Сибири, в том числе Северо-Западной, становление там с приходом русских новой административной системы.

Такие вопросы, как поход ермаковцев в Обь-Иртышье, начало русских укрепленных поселений в этом крае, экономическое развитие Берёзова в первые десятилетия его существования, не раз привлекали внимание В. И. Сергеева. Основанию «Берёзова города» и его торговым связям в XVII в. посвящены статьи и монография В. М. Леонтьева. О положении в Югорской земле в годы «Ермаковой эпопеи», возникновении Мансуровского городка и Берёзова, военно-административной структуре Северо-Западной Сибири с конца XVI в. говорится и во многих работах Н. А. Миненко. В трудах Н. И. Никитина нашли развёрнутое отражение источники формирования гарнизонов Берёзова и Сургута, их численность, структура и функции со времени их основания и до конца XVII столетия.

Широкий круг проблем позднесредневековой истории Югры рассмотрен в десятках исследований А. Т. Шашкова: главные события экспедиции Ермака, начало Мансуровского городка, Берёзова, Сургута, острогов на землях Сургутского уезда, появление Самаровского яма, судьбы местных княжеских династий, в частности кодской, походы служилых людей, градостроительство, возникновение и деятельность клира православных храмов и монастырей.

Другого уральского историка Е. В. Вершинина занимали вопросы административного устройства и формирования территории Берёзовского и Сургутского уездов; складывания там русского населения, его взаимоотношения с коренными жителями — остяками, селькупам, ненцами; истории служилого люда, включая судьбы казачьих династий; строительства укреплений городов-крепостей, обь-иртышского судоходства.

В. Д. Пузановым подробно изучены многие сюжеты военной, административной и экономической истории Берёзовского и Сургутского уездов со времени их образования до начала XVIII в. Ряд аспектов церковной организации Северо-Западной Сибири рассматриваемого периода получил отражение в исследованиях И. Л. Маньковой, а проблемы политики в отношении коренных народов Югры, их взаимоотношений с пришлым русским населением и первых религиозных контактов — в исследованиях Е. М. Главацкой.

Едва ли не большинство проблем истории Югры в составе «русской» Сибири на протяжении конца XVI–XVII в. остается при этом дискуссионным или малоизученным.

Повторное обращение к ним предполагает и расширение источниковой базы, в том числе за счёт давно опубликованных материалов, многие из которых выпали из поля зрения учёных, и совершенствование приёмов анализа данных, уже введённых в научный оборот — в особенности это относится к сведениям о раннем прошлом «русской» Сибири. До сих пор отсутствуют монографические труды по источниковедению и историографии Югры как части Московского государства, в том числе работы, посвящённые отдельным группам источников (документальным или повествовательным, к примеру летописным) и вкладу ряда видных исследователей (Г. Ф. Миллера, П. Н. Буцинского, Н. Н. Оглобина, С. В. Бахрушина, Д. Я. Резуна, А. Т. Шашкова) в изучение судьбы Югорского края на протяжении конца XVI–XVII столетий.

Предметом споров является вопрос о том, с какого времени началось присоединение Югорского края к России и когда он окончательно вошёл в её состав. Некоторые историки были убеждены в том, что Югра превратилась в одну из северо-восточных окраин Московского государства уже в ходе экспедиции Ермака, другие же исследователи между тем указывали на сооружение Обского (Мансуровского) городка либо на строительство Берёзова и Сургута и образование уездов вокруг них. Ещё недостаточно ясны хронология и география пребывания «Ермаковых казаков» на Югорской земле, цели и результаты их экспедиции в Обь-Иртышское междуречье, а также неизвестно, сражались ли остяки и вогулы с русской дружиной на стороне Кучума в битве у Чувашева мыса; сделались ли многие угорские политии самостоятельными, после того как уцелевшие казаки с гибелью своего предводителя оставили татарскую столицу Искер, или же признали зависимость от вернувшегося туда султана Али, а затем бека Сейдяка (Сеид-Ахмеда) из прежней княжеской династии Тайбугидов; на какие земли распространялась власть московского государя со времени возникновения Мансуровского городка, основания Тюменского и Тобольского острогов, а вскоре Берёзова и Сургута.

По-разному определялись в историографии источники формирования русского населения Северо-Западной Сибири на раннем (с конца XVI в.) этапе её колонизации и их соотношение, очевидно, не являвшееся стабильным (выходцы из Поморья, Центра, Запада и Северо-Запада Европейской России, Среднего Поволжья и Приуралья, из других сибирских уездов, потомки первых жителей Берёзова и Сургута). Часто не принималось во внимание, что вначале гарнизоны двух первых городов Югры сформировались из служилых людей, набранных в Москве или на пути из неё за «Камень», а гарнизоны Сургута — ещё и из тех, кто накануне «годовал» в заложенном воеводой И. А. Мансуровым остроге на Оби либо был переведён, как предполагалось, на время из Пелыма.

До сих пор недостаточно ясна численность гарнизонов городов Северного Приобья в конце XVI в. и её динамика в последующие десятилетия, а также персональный состав местных служилых людей. Требуется раскрыть судьбы представителей династий берёзовских и сургутских казаков и стрельцов, их роль в социальном и экономическом развитии городов-крепостей Югорской земли. Нуждается в дальнейшем исследовании и структура служилого населения края, явно не остававшаяся статичной, особенно в частности судеб «иноземных» контингентов («литвы», черкасов, «немцев», новокрещенов), причём в Берёзове и Сургуте она, насколько известно, во многом различалась, и важно установить причины этого.

Историки не единодушны в определении целей основания Берёзова и Сургута, роли их гарнизонов в дальнейшей колонизации Сибири, в частности в строительстве Мангазейского, Кетского и Енисейского острогов, Томска и Якутска, в освоении Приамурья. География «годовой» службы берёзовцев и сургутян, её значение в колонизации сибирских земель и процесс привлечения на русскую службу представителей коренного населения (что далеко не всегда сопровождалось переходом в православие) также заслуживают особого внимания. В задачи исследования входит — очертить чрезвычайно широкий круг функций (помимо сугубо военных) местных служилых людей, а также выяснить, роль каких из этих функций была устойчиво важной, а каких уменьшалась и почему. Надлежит установить, как и почему менялась роль Берёзова и Сургута в военно-административной системе «русской» Сибири, к примеру их значение как городов-крепостей. При этом следует отследить изменения в территориальном составе и структурах Берёзовского и Сургутского уездов (отдельные волости то присоединялись к этим уездам, то передавались в ведение администраторов Томска, Нарыма, Кетска, Мангазеи; были ликвидированы аборигенные Бардаково и Кодское княжества).

Формирование (на рубеже XVI–XVII вв.) и последующая эволюция на Югорской земле новой административной системы, место в ней аборигенных структур, каналы их взаимодействия

Рис. 3. Ермак Тимофеевич. Портрет XVIII в. Холст. Масло.
Омский историко-краеведческий музей